

12. Олейников И. В. Развитие международных связей Иркутского государственного университета в 70–80-х гг. XX в. // Пятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 4 т. Т. 1 : материалы. – Иркутск, 2011. – С. 62–66.

13. Связи геологического факультета и Китая // Иркут. ун-т. – 1993. – 30 марта.

14. Сотрудничество расширяется // Иркут. ун-т. – 1992. – 30 сент.

15. Учиться стало труднее // Иркут. ун-т. – 1992. – 30 нояб. .

ПАНИН С. Б.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИНСКИХ КНЯЖЕСТВ К РОССИИ: СПОРНЫЕ МОМЕНТЫ СОВМЕСТНОЙ ИСТОРИИ

В истории Грузии переломным оказался XVI в., когда она была разделена между двумя военно-политическими лидерами того времени – Турцией и Персией. Княжества Имеретия, Мегрелия и Абхазия оказались под влиянием Турции и в ее составе, а Картия и Кахетия – центральные части нынешней Грузии – в составе Персии. Следует подчеркнуть, что в тот период основные грузинские княжества (Картлия и Кахетия) и не назывались грузинскими, а именно картвельскими. Определение всех этих княжеств общим названием «Грузия» стало осуществляться лишь в самом конце XVIII в., видимо, с подачи России: именно в российских дипломатических документах того времени картвельские княжества получили общее название «Грузия», а в последующем оно стало переноситься и на другие – на Мегрелию, Абхазию, Имеретию...

Картвельские княжества, до этого разьединенные, а при царе Ираклии II (конец XVIII в.) ставшие единым государственным образованием, входили в состав Персии, но колониями все же не являлись, будучи составными частями персидского государства; провинциями, но имевшими равные статусы с коренными ираноязычными регионами. Здесь действовали те же законы, что и в остальной Персии, но управлялись они родовитыми грузинскими князьями картвельского происхождения, которые до Ираклия, в своем подавляющем большинстве, особенно в XVII в., принимали ислам [5, с. 12; 7, с. 10]. И это притом, что Восточная Грузия (точнее, именно Картлия) приняла христианство еще в VI в. [8, с. 32], уж не говоря о том, что значительная часть княжеств Западной Грузии, которая в то время находилась под Турцией, была в основном нехристианской.

Россия в XVIII в., одержав победы над турками, утверждает в Предкавказье. Этот процесс сопровождался одновременным ослаблением Персии и Турции, на что не могли не обратить

внимания грузинские цари, земли которых были разделены между этими государствами. Важный шаг навстречу России делает грузинский царь, правивший в Картлии и Кахетии, Ираклий II. Он обращается за помощью к России, и 24 июля 1783 г. подписывает Георгиевский трактат о протекторате [9, с. 238–247].

Трактат не говорил о вхождении территории княжества в состав Российской империи, а только о признании вассалитета России, защиты с ее стороны этого княжества, за что его правитель должен был отказаться от самостоятельной внешней политики. Георгиевский договор признавал российское влияние не над всеми территориями, входящими в современную Грузию, а только над Восточной Грузией (Картли-Кахетинским царством). Однако он осуществлялся формально с обеих сторон: Ираклий фактически не соблюдал его условий, в частности, так и не отказался от ведения внешней политики, а наоборот, опираясь на российскую поддержку, достаточно активно проводил внешнюю политику, которая выражалась в приобретении новых земель и подчинении соседних княжеств. Но российская власть до поры до времени на это не жаловалась, такое положение ее устраивало, ибо руками Ираклия, как, видимо, считали в Петербурге, происходило собрание для России грузинских земель и княжеств.

Однако и при такой оценке Георгиевского договора грузинские авторы трактуют его как «кабальный». Например, современный грузинский автор Г. Ананиашвили считает, что целью подписания Георгиевского трактата для русских было намерение «вызвать в стране анархию, ... произвол иранцев», чтобы затем «оккупировать и аннексировать отчаявшуюся и деморализованную Картли-Кахетию» [2]. Очень свободные мысли, естественно, без всякой опоры на какие-либо документы. В действительности, из существующих документов следует, что у России того времени, при последних грузинских царях, вообще не было сколько-нибудь заметных проблем в отношениях с грузинскими княжествами, особенно с Картлией и Кахетией, которые длительное время просто добивались российской поддержки и помощи, в то время как отношения с Персией были действительно сложны. Но держать войска или даже части в княжестве было для России затруднительно. Неслучайно центр русских войск к этому времени еще не перебрався в Тифлис, находился за хребтом – на северном Кавказе, в Моздоке.

Понимая эти сложности, персидский шах Ага-Мухаммед-хан осенью 1795 г. направил войска, овладел Тифлисом и основатель-

но разорил Грузию, пытаясь восстановить ее вассальную зависимость от Персии. Ираклий вынужден был вступить в переговоры с ним, но ждал помощи от русских на основании Георгиевского трактата. Петербург при Екатерине Великой стремился избежать открытого конфликта с персами, ибо силы для защиты Грузии были не равны (переброска сил затруднялась, дороги были ужасны), а потому русские власти реагировали далеко не на все просьбы и жалобы грузинского царя. Но в 1796 г. военные действия против Персии русские все же открыли [6, с. 31–32, 39], и войска персов отошли от грузинской столицы.

Но тут новая проблема: скончалась императрица Екатерина, а Павел в первое время повел себя совершенно неадекватно: хотя это противоречило Георгиевскому трактату, он приказал прекратить военные операции и отозвать русские войска из Закавказья [3, с. 298]. Конечно, такой позицией новой русской власти (как теперь подчеркивают современные грузинские авторы – предательской) не замедлили воспользоваться персы: Ага Мухаммедхан начал новое наступление в Закавказье, подойдя к Тифлису. Но, как это нередко бывает в истории, успех сорвался внезапно и, в общем-то, по глупой причине – главный перс был убит в царском военном шатре во время похода руками евнуха, чем-то обиженного на своего господина.

Тем не менее, правитель Картли-Кахетии грузинский царь Ираклий в 1797 г., в последний год своей жизни, отправляет в Петербург своего полномочного представителя князя Гарсевана Чавчавадзе, который станет, по сути, первым грузинским представителем в Петербурге (при царе Георгии – он уже в Петербурге постоянно), и через него грузины просят о более тесных отношениях с империей. Павел, отозвавший войска, первое время вообще не отвечает, затем, через канцлера, грузинский представитель получает на словах ответ в такой форме: просьбы ваши удовлетворены быть не могут [6, с. 48]. Таковы ответы еще в декабре 1797 г. Эти не очень ясные просьбы говорят, что элементы чего-то большего, а не просто вассальной зависимости, были уже у Ираклия. Некоторые из многочисленных детей и родственников царя (имеется в виду Ираклия), которые для последнего грузинского царя Георгия были братьями, обитают по нескольку лет в России, числятся даже на русской службе, получают российские воинские звания. Сын Георгия Давид также находился на русской службе до того, как он пытался провозгласить себя царем после смерти Георгия. И все это до официального включения Грузии в состав империи.

В 1798 г. умирает Ираклий II, а царский трон достается его старшему сыну, последнему грузинскому царю Георгию XII (у Ираклия было семь сыновей, старший – Георгий – от первого брака [6, с. 50]). Над восточной Грузией вновь нависает персидская угроза: теперь уже новый иранский правитель Фетх Али-хан (племянник Ага Мухаммед-хана) [3, с. 300] в том же 1798 г. обещает разорить Грузию, если Георгий откажется стать его вассалом [8, с. 108].

Георгий XII, теперь рисуемый грузинскими авторами как безвольный и больной [2] (он действительно был очень болен, особенно в последний год своей жизни), обращается к России, к Павлу I с просьбой уже не о прежнем покровительстве, а о принятии его царства в состав империи. Правда, Георгий просит сохранить за Багратидами номинальный статус династии – пусть не правящей, но царствующей. Однако для полноты картины стоит упомянуть и такой факт: Георгий, став царем и видя, что Павел не отвечает, хотел уйти под покровительство Турции и даже уже отправил туда своего посланника, но в это время из России приехал его сын царевич Давид и сообщил царю о новых настроениях Павла. После этого Георгий срочно вернул посланника из Порты и стал ориентироваться на Россию [6, с. 59].

Он отправляет в Петербург своих посланников – князя Георгия Авалова, Елизария Палавандова и, конечно, князя Гарсевана Чавчавадзе. Дает им очень большие полномочия, обещает царским словом принять и исполнить все то, что будет намечено [6, с. 155].

После окончания переговоров с правительством императора Павла в Тифлис возвращались первых два, а князь Чавчавадзе остался в российской столице. Вплоть до сегодняшнего дня точно не известно, что они все-таки там везли? Если сослаться на одну из самых авторитетных работ конца XIX – начала XX в. – работу Авалова по Грузии, то он считал, не без некоторого сомнения, что они везли от Павла текст, в котором рамки грузинской автономии сводились почти к нулю, но династия все же сохранялась: Грузия поступала в полное подданство России, законодательная власть всецело передавалась империи, у Багратидов оставалась исполнительная власть (уровень царского генерал-губернатора, или: царствует, но не правит, точнее, правит, но по законам империи). Все доходы царства – в распоряжение императора, грузинский царь обеспечивается полным содержанием и т. п. [1, с. 74–75].

Итак, они везли документы из Петербурга от Павла в грузинскую столицу, и уже на грузинской территории им оставалось немного времени, чтобы добраться до столицы, как они узнали о

кончине царя Георгия, не успев получить подпись царя. Картли-кахетский царь Георгий XII умер 28 декабря 1800 г.

Проблема умножилась многократно: с одной стороны, Павел I издает в Петербурге 18 января 1801 г. манифест о присоединении Картли-Кахетии к России (информация шла долго, и он в тот период не знал о смерти грузинского царя, а также о том, что отправленные им в Тифлис документы остались грузинским царем не подписаны), но вслед за объявлением такого манифеста должно было последовать занятие Грузии русскими войсками; с другой стороны, русская власть вынуждена была включиться в клубок грузинских проблем: дело в том, что когда еще Ираклий (отец Георгия) умирал, его последняя жена-царица Дарья (мачеха Георгия, мать других детей – царевичей, братьев Георгия) заставила мужа подписать документ, по которому после окончания правления Георгия власть будет передана уже не детям Георгия, а его сродным братьям – детям самой царицы Дарьи [6, с. 51].

Георгий, пытаясь отменить это решение своего отца, уже при вступлении на престол заявил, что власть будет передана его старшему сыну Давиду. При этом при вступлении все грузинские цари, начиная с Ираклия, принимали и подписывали, в соответствии с Георгиевским трактатом, инвеституру от российского императора. И, следовательно, принимая в свое время инвеституру и провозглашая своего сына Давида наследником, Георгий, видимо, уже считал, что он отменяет прежнее решение своего отца, царя Ираклия, и что инвеститура императора Павла подтверждает эту новую линию. Кстати, клубок наследственных проблем усилился и тогда, когда больной Георгий умирал и перед ним стоял его старший сын Давид (действиями которого Георгий был сильно недоволен, фактически не сыновними, предательскими, и он, Георгий, в конце концов, так и не назвал сына преемником, умирая, отвернулся). Но Давид заявил на людях, что именно он был назван преемником (все же знали, что он был назван преемником, когда Георгий только вступил на царский трон) [6, с. 164–165].

В Петербурге во время дворцового заговора в ночь на 12 марта 1801 г. (по старому стилю) погибает император Павел. На молодого императора Александра I ложится ответственность в принятии окончательного решения. Однако у Александра – сильные этические проблемы, так как он сам вступил на престол после косвенного участия в убийстве своего отца и теперь его мучила проблема, как решить вопрос с династией Багратидов. Известно,

что Александр не согласился с ранее принятым решением Павла о включении Грузии в состав империи (скажем прямо, это решение было произвольным, мало учитывающим внутреннее положение в Грузии, а в международном отношении о Грузии ничего не знали, она никого из европейских держав в тот период не интересовала и... как, кстати, все резко изменится лет через 30–40, когда европейские державы Англия и Франция будут влиять на Россию в период Крымской войны (середина XIX в.), если бы Грузию присоединяли тогда – в такой произвольной форме это было бы уже невозможно). Но сам Александр так и не принял никакого решения по Грузии: он отдал этот вопрос на рассмотрение Государственного Совета, в котором в тот период доминирующую роль играли приверженцы и сторонники его бабки – Екатерины Великой, и которые через присоединение Грузии, возможно, хотели реабилитировать все свое поколение, хотели показать новой власти, что они еще на что-то годятся.

Но в самой Грузии царские представители так и не допустили официального провозглашения новым царем сына Георгия – Давида [1, с. 79], хотя ему 15 января 1801 г. удалось опубликовать воззвание к грузинскому народу о своем вступлении на престол. К тому же это воззвание категорически не поддерживали царевичи – сыновья царицы Дарьи и она сама. В итоге 12 сентября 1801 г. издается императорский манифест об упразднении Картли-Кахетского царства и вхождении Восточной Грузии в состав империи.

Здесь у современного человека может появиться мысль о неискренности и двуличности позиции императора Александра. Думается, что Александр пытался выстроить иные отношения, ни о каком абсолютном поглощении княжества он не помышлял и хотел решить вопрос о включении Грузии в состав империи только на основе добровольного решения ее народа. Истинность такой позиции Александра подтвердилась через несколько лет, когда в состав империи принималась Финляндия, ее особый статус был гарантирован императором Александром. Можно предположить, что император поступил бы так и с Грузией, будь иная ситуация в Государственном Совете и в самой Грузии в тот период.

От решения по Грузии, которое принял его отец Павел, и от которого уже не так легко было отказаться, до окончательного включения ее в состав империи прошло несколько месяцев. В это время Александр посылает в Грузию своего представителя генерала Кнорринга, который должен был на месте узнать ситуацию и сообщить о настроениях людей. Генерал сообщил о полной го-

товности общества к вступлению в состав империи. Позиция генерала Кнорринга, посетившего Грузию, стала последней точкой в решении проблемы [1, с. 89]. Остается, правда, вопрос: почему нельзя было оставить хотя бы фиктивный статус царства, на чем настаивали Багратиды? Причина этого была в том, что грузинские княжества фактически оказались после смерти Георгия в условиях начинающейся гражданской войны из-за борьбы за власть между князьями, а часть князей попыталась воспользоваться новой ситуацией, опереться на персидские власти, подбивая их к вступлению в конфликт, в то время как достаточных сил у русских в Грузии все еще не было. Ликвидация автономии княжества как такового стала сложным моментом совместной истории, но, с другой стороны, это спасло Грузию от полного разорения и уничтожения, от гражданской войны. И то, что Александр I лишь за 3 дня до своей инаугурации в Московском Кремле (12–15 сентября) подписал манифест по Грузии, лишний раз означает, что он до последнего пытался снять с себя ответственность за этот шаг и перенес ее на коллегиальный орган – Госсовет.

Если бы грузинский царь не умер столь неожиданно, успели бы подписать необходимые документы и не было бы опасности развязки гражданской войны. При Павле Грузия вошла бы в состав России на более мягких и демократичных условиях, наподобие Финляндии, с сохранением, во всяком случае, собственной системы местного управления и династических связей. Ведь историки XIX в. свидетельствуют о том, что император Павел не хотел ни в чем создавать проблем для грузин и во внутреннем управлении был готов предоставить значительные свободы [6, с. 114].

Как бы там ни было, но в 1801 г. речь шла о вступлении в состав России только Кахетии и Картлии по просьбе их царя, который к тому же умер, не подписав необходимых документов. Однако чуть позже в состав России были приняты и другие грузинские княжества, например, через два года, в 1803 г., – Мегрелия, а в феврале 1810 г. Александр I утверждает просительные акты владетеля Абхазии о принятии ее в состав империи [4]. Приобретения после 1801 г. происходили уже не всегда добровольно, не без давления и угроз, что, естественно, отмечают современные грузинские авторы. Однако следует подчеркнуть, что тому зачастую способствовали сами многочисленные грузинские князья, которые оспаривали друг у друга права на владение тем или иным княжеством и подталкивали российские власти заявлять на них претензии, видимо, в надежде на то, что они достанутся именно им.

Важно, что большая часть грузинских княжеств, которые находились под турецким влиянием, вошла в состав России по результатам успешных итогов русско-турецких войн, не добровольно, но в соответствии с законами военного времени той поры, как итог поражений Турции. За что русские солдаты опять же проливали свою кровь.

Следует подчеркнуть, что грузинские княжества, кроме Картлии и Кахетии, которые принимались в подданство России, еще много лет, пусть и формально, сохраняли самостоятельный статус и осуществляли правление своими землями наследственными династиями. Например, Мегрелия вошла в состав России в 1803 г., но еще много лет в пределах империи сохраняла статус самостоятельного княжества: последняя царица Мегрелии – Нино Багратион-Дадиани, ее сын Леван – уже не царь, но владетельный князь. Леван не очень хотел править, но Александр I сохранял статус Мегрелии как княжества. Затем Леван передал управление княжеством своим родственникам, в частности, сыну Давиду I Дадиани. В 1853 г. Давид умирает, и только после этого его жена Екатерина Чавчавадзе-Дадиани переселяется с детьми в Россию. Только с 1857 г. Мегрелия определяется как законная часть Российской империи, но и эта дата не точна: все же Мегрельское княжество окончательно упраздняется только в 1866 г., а подросший сын последних правителей княжества Давида Дадиани и Екатерины Чавчавадзе Николай получает статус владетельного князя и в качестве компенсации за отказ от владения княжеством в пользу российского императора он получает 1 млн руб. Более того, через 20 лет, в 1886 г. русское правительство еще выдвигает его кандидатуру на престол Болгарии, однако неудачно [9].

И такая картина почти со многими грузинскими княжествами: Имеретское царство входит в состав России в 1804 г., но окончательно – в 1810 г., княжества Гурия и Абхазия – в 1810 г., но окончательно Гурия – в 1828 г., а Абхазия – в 1864 г.; княжество Сванетия присоединяется в 1833 г., но окончательно только в 1858 г. [8, с. 111]. Уж не говоря о советском периоде, Грузия и в царский период была избалована Россией. В российских пределах стало вызревать то, чему прежде в истории не было суждено сложиться, и то, что, с некоторыми исключениями, может быть названо грузинской нацией. Грузинские народности, помещенные в единые условия, управляемые одинаковыми законами, начали приобретать черты единого народа, нации [7, с. 30]. Все грузинские княжества оказались под одной крышей, шел процесс

собирания земель, в чем Россия сыграла, безусловно, решающую роль. И многое оказалось разрушенным в Грузии в постсоветский период, когда возобладали тенденции, которые, по сути, были в грузинских княжествах до их присоединения к России.

В истории взаимоотношений России с Грузией много общих и сложных страниц. Россия стала государством, которое определило генеральный путь развития грузинских княжеств, даже в том, что они, в конечном итоге, стали христианскими и православными. Грузия не могла одна выжить среди сильных соперничающих государств. Благодаря России она не только сохранила свои земли и культуру, но и, по сути, в новых исторических условиях восстановила себя как государственное образование. Однако Грузия всегда играла особую роль, занимала особое место как в империи, так и в советскую эпоху, что, отчасти, ее развратило и создало основы для политического эгоизма. И, судя по всему, и в новую эпоху это государство не может играть абсолютно самостоятельной роли: оно опять кому-то нужно как средство для интриг против других государств.

Литература

1. Авалов З. Присоединение Грузии к России / З. Авалов. – Изд. 2-е. – СПб., 1906.
2. Ананиашвили Г. Этнические чистки и депортации в Грузии и на Северном Кавказе. Конвульсии русского фашизма [Электронный ресурс] / Г. Ананиашвили. – Тбилиси, 2009. – URL: iberiana.wordpress.com/iberiana/g-ananiashvili-konvulsia/
3. Багратиони Д. История Грузии / Давид Багратиони. – М. : Директ-Медиа, 2010.
4. Гамахария Д. Абхазия (краткая историческая справка) [Электронный ресурс] / Джамал Гамахария. – URL: iberiana.wordpress.com/afxazeti/j-gamakharia-1
5. Грузия. Закавказский тупик? / авт.-сост. А. Б. Широкоград. – М. : Вече, 2010.
6. Дубровский Н. Ф. Георгий XII. Последний царь Грузии и присоединение ее к России / Н. Ф. Дубровский. – СПб. : Тип. Департамента Уделов, 1867.
7. Епифанцев А. Будет ли новая русско-грузинская война? / А. Епифанцев. – М. : Яуза-Пресс, 2010.
8. Леонтьев М. В. «Независимая Грузия»: бандит в тигровой шкуре / М. В. Леонтьев, Д. А. Жуков. – М. : Яуза, 2008.
9. Материалы Википедии. Свободная энциклопедия. Дадиани Николай Давидович [Электронный ресурс]. – URL: [http://ru.wikipedia.org/wiki/ Дадиани,_Николай_Давидович](http://ru.wikipedia.org/wiki/Дадиани,_Николай_Давидович)
10. Под стягом России : сб. арх. док. – М. : Рус. кн., 1992.